

После умывания Се Цяо открыл дверь между их комнатами. Лу Цзюэ уже закончил свои дела, сидел на кровати в нижней рубашке, скрестив ноги, и держал в руках флейту, сделанную из нефрита. Его руки и флейта в свете свечей казались белоснежными. Он снял головной убор, и его черные волосы рассыпались по груди, делая его лицо еще более прекрасным, словно белый нефрит.

Увидев, что дверь открылась, он улыбнулся и поманил Се Цяо:

— Цяо, иди сюда.

Се Цяо, перебирая короткими ножками, подбежал к нему, и Лу Цзюэ подхватил его, усадив рядом. Он поднял бровь и указал на стол:

— Там лежат листья, выбирай. Я собрал все, что можно найти в саду в это время года.

Се Цяо взглянул на него, выбрал листок среднего размера, поднес к губам и, вспоминая мелодию, начал медленно играть. Он чувствовал, что Лу Цзюэ сейчас не в духе, и решил сыграть что-то веселое, чтобы поднять ему настроение.

Звук листа был чистым и тонким.

Лу Цзюэ слушал, улыбаясь, его глаза искрились. Когда мелодия закончилась, Се Цяо с тревогой посмотрел на него:

— Как тебе?

Лу Цзюэ погладил его по голове:

— Очень красиво, в ней чувствуется природная свежесть. Но... — он слегка нахмурился.

Се Цяо удивился:

— Но?

Лу Цзюэ ущипнул его за щеку, смеясь и поддразнивая:

— Ты сегодня на охоте встретил девочку, которая тебе понравилась? Неудивительно, что ты так странно себя ведешь.

Се Цяо...

Лу Цзюэ взял флейту, легонько постучал ею по голове Се Цяо и, подняв бровь, сказал:

— Я же говорил, что люблю музыку. В твоей мелодии чувствуются эмоции, я не мог не заметить.

Се Цяо широко раскрыл глаза:

— Ты... ты это заметил?

В прошлой жизни, став императором, он тоже играл Лу Цзюэ на листьях. Тогда он думал, что хорошо скрыл свои чувства, поэтому осмелился сыграть для него. Но Лу Цзюэ тогда слушал, как будто это была самая обычная мелодия, и до конца оставался бесстрастным. Тогда он чувствовал и облегчение, и разочарование.

Но если шестнадцатилетний Лу Цзюэ уже мог это заметить...

Улыбка Лу Цзюэ стала шире, в ней появилась доля шутки, он снова ущипнул Се Цяо за щеку:

— Со мной тебе не нужно стесняться, расскажи, кого ты приметил? Знаешь имя? Скажи, я завтра узнаю.

Се Цяо...

Сердце Се Цяо забило сильнее. Лу Цзюэ, видя, что он только широко раскрыл глаза и молчит, решил, что тот смутился из-за того, что его разоблачили. Подумав, он взял флейту и поднес к губам.

Он говорил, что любит музыку, и, раз уж он любит, то и понимает ее. Поэтому, услышав один раз эту безымянную мелодию, он запомнил ее полностью.

Звуки флейты плавно лились, повторяя мелодию, которую только что играл Се Цяо. Но, к сожалению, Се Цяо был слишком погружен в свои мысли, чтобы заметить чистую и легкую радость в звуках флейты, наполненную юношеским задором.

...

На следующий день пришло время, когда Ли Минбэй должен был прийти в дом Лу, чтобы преподавать Се Цяо. Увидев темные круги под глазами Се Цяо, он улыбнулся:

— Что с тобой?

Се Цяо холодно взглянул на него и промолчал.

Ли Минбэй злорадно добавил:

— Из-за Лу Хуайюй? Вы поссорились?

Се Цяо бросил на него взгляд, полный ножами. Ли Минбэй, поняв, что зашел слишком далеко, перестал поддразнивать.

В конце урока Се Цяо вдруг сказал:

— Ты сейчас приходишь в дом Лу пешком через день?

Ли Минбэй кивнул:

— Отсюда до моего дома недалеко.

Се Цяо сказал:

— С завтрашнего дня чередуй: в один день приходи пешком, в другой — на карете. Когда будешь ехать на карете, иногда показывайся из окна, чтобы люди знали, что ты внутри.

Ли Минбэй удивился, внимательно посмотрел на Се Цяо и сказал:

— Ты знаешь, что я сейчас делаю?

Се Цяо улыбнулся:

— Я говорил, что хочу спасти тебя. Но мне интересно, какую вражду ты завел с Цянь Ююй, что он готов пойти на все, лишь бы убить тебя, даже отказавшись от противостояния с моим братом?

Ли Минбэй громко рассмеялся, с ироничной улыбкой сказав:

— Ты наполовину несправедлив ко мне. Наверное, я просто родился с лицом злодея, в отличие от твоего брата Хуайюй, которого все любят. Когда мы с Лу Хуайюй разбили армию Цянь Ююй, твой брат, как всегда, выглядел так, что никто не мог на него злиться, и вся ненависть досталась мне.

...

Время летит быстро, и вот уже прошёл Новый год, наступила ранняя весна.

Праздничное настроение, кажется, еще не развеялось, в Цзиньлине повсюду висят фонари, и иногда слышны взрывы петард. Сейчас еще не конец первого месяца, и в доме Лу повсюду витают ароматы еды, а фонари и разноцветные светильники в саду еще не убрали.

Се Цяо сидел на корточках, изучая несколько фейерверков, сделанных в форме золотых лотосов, которые Се Чжэн прислал пару дней назад.

Лу Цзюэ только что вернулся с улицы, прислонился к колонне и с улыбкой наблюдал за Се Цяо. Это был первый Новый год Се Цяо в Цзиньлине после возвращения, и император уделил этому особое внимание. Видя, что брат заинтересовался фейерверками, когда был во дворце на Новый год и Праздник фонарей, он, даже несмотря на то, что время для фейерверков уже прошло, прислал несколько больших фейерверков в дом Лу, чтобы брат мог поиграть с ними.

Се Цяо действительно любил смотреть на фейерверки. В прошлой жизни, после того как он принял трон от брата, единственное хорошее воспоминание, связанное с Лу Цзюэ, было связано с фейерверками. Это было, когда ему было двадцать лет, через год после смерти брата.

Тогда он еще не укрепился на троне, был молод, только что взял на себя ответственность, и, кроме того, все в Цзиньлине знали его происхождение, поэтому большинство министров не уважали его. Тогда Лу Цзюэ стоял за его спиной, и между ними еще не было разногласий.

Это был Праздник фонарей, в Цзиньлине проходил яркий фестиваль, весь город был украшен фонарями, берега реки Циньхуай были освещены, и весь мир, казалось, был пропитан праздничным настроением, кроме него — он тогда сидел, сжимая виски, и в свете одной свечи в Императорском кабинете разбирал доклады, которые сводили его с ума. Многие из этих докладов были пустой болтовней министров, перемешанной с раздражающими намеками, словно специально предназначенными для того, чтобы доставить ему неприятности.

Снаружи доносились звуки петард, и он разбирал доклады с еще большим раздражением, но, как бы ни было тяжело, он должен был продолжать, и даже отвечая министрам, он не мог позволить себе выплеснуть гнев — его брат только что умер, и его положение на троне было очень шатким.

Тогда вдруг чьи-то холодные руки закрыли его глаза, и сзади кто-то сказал:

— Цяо, хватит. Сегодня на улице красивые фонари, пойдем посмотрим?

Он тогда немного опешил, подумав, что это сон, потому что с тех пор, как он взошел на трон после смерти брата, тот больше никогда не называл его «Цяо» и не улыбался ему.

— А что с докладами?

— Забудь о них, эти старые упрямы специально выбрали сегодня, чтобы доставить тебе неприятности, Цяо, ты император, их господин, и никогда не было такого, чтобы господин подстраивался под слуг.

Эти слова были наполнены юношеской гордостью и уверенностью.

Все, что произошло потом, было как сон. Лу Цзюэ надел на него маску и, взяв за руку, вывел его из дворца. Огни, фонари, яркие краски — Лу Цзюэ вел его за руку через шумную и радостную толпу. Людей было так много, они были так счастливы, их радость и тепло толпы развеяли его дискомфорт, и прикосновение руки Лу Цзюэ, держащей его запястье, было таким отчетливым.

Тогда он подумал, что было бы счастьем просто идти с Лу Цзюэ по этой дороге.

Но, к сожалению, даже самая длинная дорога имеет конец, и даже самый лучший сон рано или поздно разбивается. Лу Цзюэ сказал, что он их господин и не должен подчиняться слугам, но он был императором, который еще не укрепился на троне, и потому вынужден был терпеть их придирки. Тогдашние неприятности из-за неразобранных докладов Лу Цзюэ взял на себя. И позже Лу Цзюэ много раз брал на себя его проблемы.

...

<http://bllate.org/book/15506/1377365>